

**О ДРАМАТУРГИИ М. Н. МУРАВЬЕВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОР РГБ И ОПИ ГИМ)**

© 2018 г. А. Д. ИВИНСКИЙ

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. М. Горького РАН, Россия,
121069, Москва, ул. Поварская, 25а
ivinskij@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 22 ноября 2017 г.

**TO THE DRAMATIC HERITAGE OF M. N. MURAVYOV
(ON THE MATERIALS OF THE RSL AND OPI GIM)**

© 2018 Alexander D. Ivinskij

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute
of World Literature of the RAS, 25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
ivinskij@gmail.com

Received by Editor on November 22, 2017.

Статья посвящена драматургическому наследию М.Н. Муравьева. В ОР РГБ и ОПИ ГИМ хранятся рукописи писателя, до сих пор не введенные в научный оборот. Задача данной работы – представить эти материалы и кратко обозначить их историко-литературный контекст.

The article is devoted to the dramatic heritage of M.N. Muravyov. The writer's manuscripts kept in the RSL and OPI GIM still lack scholarly attention. The task of this paper is to present these materials and to briefly outline their historical and literary context.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, русская литература XVIII в., драматургия, русско-европейские литературные связи.

Key words: M.N. Muravyov, 18th century Russian literature, dramaturgy, Russian-European literary connections.

DOI: 10.7868/S1605788018030064

Творчество М.Н. Муравьева изучено неравномерно и все еще недостаточно. С одной стороны, его литературная биография, обширная переписка, переводы, в несколько меньшей степени лирика, плодотворно изучались (см.: [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11]; [12]; и др.), с другой – до сих пор большая часть его наследия не только не исследована, но и не опубликована.

В данной работе мы предлагаем краткий обзор драматургических текстов Муравьева, которые хранятся в ОР РГБ и ОПИ ГИМ.

Один из важнейших источников для изучения драматургии Муравьева – “Записная книга”, ру-

кописный конволют, содержащий сотни текстов¹. Она состоит из восьми “журналов”, которые составлялись, согласно пометам автора, с 1771 по 1780 г. Приведем авторские заголовки: “Забава праздности. Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года”, “Услаждение скуки. Журнал санктпетербургских упражнений. 1775 год”, “Журнал на 1776 год”, “Стихотворения с 1779 года

¹ Муравьев М.Н. Записная книга – стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771–1803 // ОР РГБ. Ф. 178. № 11161.1. В дальнейшем ссылки на данный источник приводятся в тексте с указанием листа рукописи. Его описание см.: [13]. К этому источнику ранее обращались Р.М. Лазарчук [14]; [15] и Л. Росси [16].

в июле в Санктпетербурге”, “Mes etudes...helas! 1780 года”, “1780 года. Покушение исправиться”, “Упражнения души. Тверь 1780 года в марте”, “Les illusions le 1 d. aout. 1780 Tver”². Муравьев на протяжении 1780-х гг. неоднократно возвращался к этим “журналам”, пересматривал и редактировал включенные в них тексты, набрасывал на полях новые их редакции и новые произведения, сложно поддающиеся датировке.

В “Записной книге” находим более десяти неопубликованных драматургических текстов Муравьева. Они очень неравноценны, всегда не закончены: иногда перед нами несколько явлений, иногда – только названия. Отдельный вопрос – степень оригинальности данных произведений. Большая их часть – переводы, меньшая – самостоятельное творчество. Эти тексты ставят вопрос о возможности реконструкции историко-литературной позиции Муравьева-драматурга в 1770–1780 гг., погружают нас в круг его чтения и интересов, а также приближают нас к пониманию его творческих планов.

Данные отрывки на первый взгляд разрознены и не связаны друг с другом и при этом ярко демонстрируют широту интересов и знаний писателя, обращавшегося отнюдь не только к общеизвестным авторам³. Однако, как представляется, выбор текстов для Муравьева случайным не был. Он мучительно искал форму для своей трагедии: “Я решился или совсем не писать стихов, или кончать Болеслава. Сим сочинением хочу я быть известен. Хочу идти тою же стезею, какою шли Сумароков, Херасков, Майков, Княжнин, и отрекаюсь от всего другого” (цит. по: [17, с. 69]). Для этого он обращался как к древним авторам и – шире – античной образности и проблематике, так и к европейским классикам и отчасти современникам. Однако отнюдь не всегда исключительно и только литература была для него питательной средой: Муравьев искал сюжеты в истории, как русской, так и славянской. Руководствуясь данными соображениями, мы условно разделили драматургический материал “Записной книги” на три группы: “Муравьев и Античность”, “Муравьев и европейские драматурги”, а также “Болеслав” и “Сумбек”.

Отдельно мы намерены обсудить сохранившуюся в ОПИ ГИМ одноактную комедию “Выигранная тяжба” (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед.хр. 232. Ч. 4836. Л. 105–120об.).

² Об этом подробнее см.: [13].

³ Один из наиболее ярких примеров – перевод четырех строк из пьесы испанского драматурга Ф. де Кеведо “Пустынный”: “О ты что дерзкими стопами попираешь, / Священные горы высокое чело / Ея молчанье нарушаешь / Которое до сель седое время чло” (Л. 64).

МУРАВЬЕВ И АНТИЧНОСТЬ

Несмотря на то что тема “Муравьев и Античность” сравнительно недавно была посвящена специальная работа, автор которой опиралась только на опубликованные сочинения Муравьева [18], выводы обобщающего характера были бы преждевременны. Из “Записной книги” мы узнаем, что он планировал переводить Эсхила, Еврипида и Сенеку. Работа над древнегреческими классиками не продвинулась дальше названия: “Из Эсхила. Промифея узника. Явление первое” (Л. 44об.), “Из Еврипидовой Федры” (Л. 81об.). Единственное исключение – “Орест” Еврипида. Муравьев перевел начало этой трагедии:

Из Еврипида. Начало Ореста.
Електра.

Нет бедствий таковых, нет лютаго страданья,
Ниже ниспосланна от неба наказанья,
Которых перенестъ не мог бы человек.
Так щастлив некогда, (не буди то в упрек!)
Зевесов сын, Тантал, зрит камень пасть готовой
И в воздухе висящ, сей терпит рок суровой.
Затем что в общий пир богами приглашен
Не возбранил своих нескромности устен.
Рожденной им Пелопс, родитель был Атрея,
Котораго судьба на трон возвестъ радея,
Меж брата и его посеяла вражду
Готова лютую Фиестову беду. (Л. 49)

У римского стойка Муравьев выбрал трагедию “Геркулес в безумье” (написана на основе пьесы Еврипида “Геракл”), из которой перевел четыре строчки:

Первое действие Сенекиной трагедии
Неистовый Иракл
Юнона.

Сестра гремяшаго в превыспренней стране,
(Едино имя то осталось уж мне)
На век отчуждена и брата и супруга
Оставила я днесь чертог ефирна круга. (Л. 81)

Однако речь здесь должна идти не только о переводах из древних, но и о широко понимаемом античном контексте. Муравьев использовал греческие и римские сюжеты для создания оригинальных пьес. Один из наиболее ранних подобных опытов – трагедия “Дидона”. Писатель начал над ней работать в 1771 г. [6, с. 16]⁴. Пьеса не была закончена, как отмечала Л.И. Кулакова, “замысел не

⁴ См. также: “В своих мемуарных заметках Муравьев связывал начало своей самостоятельной деятельности <...> с трагедией Дидона, начатой в Вологде в 1771 г.” [9, с. 257].

соответствовал силам автора» [6, с. 16]⁵. Муравьев этим опытом был крайне недоволен и даже посвятил ему автоэпиграмму: «Кто эту написал “Дидону”, / Не должен попрекать погрешности Прадону» [6, с. 17].

В “Записной книге” находим отрывок из третьего явления:

Явление III.
Дидона, Еней, Анна.

Еней.

Впоследни пред твой взор предстати милосердый,
Пришел несчастный Князь, что рок
жестокосердый,
Повсюда гнать хотел, пришел благодарить,
Что воприятла труд, судьбу Его смягчить,
Нашедшись одна лишь земнаго круга,
Что в жалость весть могла моя судьба упруга.

Дидона

Бедна быв: помогать, как можно бедным тшюсь,
И милости оным оказывать учусь,
Но естли я скажу что путь предпринимаю
О Князь во время как нас буря мучит злая
Послушаешь ли ты моим теперь словам
На время отложить к Авзонским плыть брегам.
(Л. 2–2 об.)

Если Муравьев начал работать над этой пьесой в 1771 г., то знал ли он о “Дидоне” Я.Б. Княжнина? Как известно, она была поставлена в 1769 г.⁶ и принесла автору известность. Можно ли рассматривать опыты Муравьева как скрытую полемику с современником? Казалось бы, этому противоречит тот факт, что Муравьев посвятил стихотворение постановке “Дидоны” Княжнина:

Ст.<ихи> на представление Дидоны Як.<ова>
Бор.<исовича> Княжнина. 1778. Февр.<аля> 7

О сколько должен я творцу моих утех,
Что нежность возбудил в моем он сердце спящу
Творцу явившему Дидону смерть носящу
Зря нежностей своих обманутой успех,
И унижающую и пасть пред тем готову
Кто хочет... Можноть быть толико к ней сурову?
Кто хочет бедную, любовью погубя,
К любви приучив оставить без себя.
О варварство!.. но в нем слух боги заградили
Кто сей другой идет? кто злобой искошен
И мнится фурии кого препроводили.

⁵ Ср.: “Произведения отроческих лет Вертера, Попа, Метастазия отличаются чертами разума выше возраста и их издавать полезно. Моя Дидона показывает, что я в натуре не из числа сих умов и мне хвалиться не можно” (цит по: [17, с. 69–70]).

⁶ Ср.: «1769 г. обычно и считается датой написания трагедии. Мимо внимания исследователей прошло сообщение о постановке “Дидоны” в 1767 г. в Москве с участием М. Сивянской, К. Попова, И. Лапина (Хроника Носова, стр. 299)» [30, с. 723].

Се Ярб твой <?>: зритель твой Дм...<итревским>
устрашен⁷.

Свершилось: Именей в слезах бежит с царицей
Падушый Карфаген Дидоне стал гробницей.
(Л. 56об.).

В то же самое время история литературных взаимоотношений Муравьева и Княжнина исключительно сложна и наполнена целым рядом скрытых пересечений. Так, показателен в этом контексте перевод Муравьева из “Милосердия Титова” П. Метастазия. В.Н. Топоров указал, что этот текст также связывал поэта с Княжнинным: «Княжнин, как известно, написал первую русскую музыкальную трагедию “Титово милосердие” (1778), созданную на основе трагедии П.-Л. Бюирета де Беллуа “Тит” и оперы Метастазия “Титово милосердие”, шедшей в России в переводе Ф.Г. Волкова уже с 50-х годов» [20, с. 177–178]. Имена Княжнина и Метастазия переплетутся еще раз – в произведении Муравьева “Стихи к Якову Борисовичу Княжнину. Явление Метастазия” [13, с. 83–85]⁸.

Однако В.Н. Топоров не видел “Записной книги”, поэтому привел из муравьевского перевода только те две строчки, которые процитировала в своем описании Л.И. Алехина [13, с. 67]. Вот весь сохранившийся текст:

Метастазий. Милосердие Титово
Действия третьяго
Явление первое.
Тит и Публий

Публ.<ий>: Уж час, о государь, преходит игр
священных.

Ты знаешь, что прейти нельзя им дня сего;
Сбежавшись весь народ стоит в толпах сгущенных,
И все лишь только ждут присутствия твоего. (Л. 60)

⁷ Речь идет о Ярбе, которого в данной постановке, осуществленной на домашнем театре Дьяковых, сыграл И.А. Дмитриевский, имевший большой успех; см. в письме Муравьева к сестре от 8 февраля 1778 г.: «Я был вчера на представлении “Дидоны” Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитриевский играл Ярба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперсника, говорил, что он трепетал, с ним играя. <...> Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани. После плесков актерам все обратились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувства должен он иметь. В восемь лет, как он сочинил “Дидону”, видел он первое ее представление» [30, с. 724].

⁸ Ср.: “С Княжнинным, которой в числе издателей, с некоторого времени я поболее знаком. Как тихой человек, он очень любви достоин, и как писатель много трудился” (Письмо М.Н. Муравьева к отцу от 14.8.1778 // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед.хр. 51. Л. 42об.).

В “Записной книге” сохранились два явления драмы “Амфион”. Муравьев выбрал известнейший сюжет древнегреческой мифологии. Амфион — сын Зевса и Антиопы — не знал о своем происхождении, воспитывался пастухом, однако прославился как музыкант, лиру которому подарил сам Гермес. Когда вырос, он вместе с братом-близнецом Зефом отомстил преследователям своей матери. Опираясь на этот сюжет, Еврипид написал трагедию “Антиопа”, текст которой был утрачен. Однако сохранилось подробное его изложение в составе “Мифов”, которые приписываются Гаю Юлию Гигину. Особенную популярность этот миф приобрел в XVII—XVIII вв., когда к нему обратились К. Гросси (кантата “Амфион”, 1675), П. Маньи (опера “Амфион”, 1698), Ж.-Б. Делаборд (балет-пастораль “Амфион”, 1767), И.Г. Науман (опера “Амфион”, 1778) (см.: [19]). Преобладание итальянских источников неудивительно: Муравьев учил итальянский и внимательно изучал как античных классиков, так и современных авторов: “А хожу часто к Николаю Александровичу <Львову. — А.И.> и беру у него читать Италианския книги. И теперь читаю Гольдониевы Комедии” (письмо Муравьева к отцу от 18.2.1775⁹ // ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед.хр. 48. Л. 30об.). Ср. также: “Я нынче читаю италианского стихотворца Тасса, и точно так разумею, как мой Тараська Ломоносова” (Там же. Л. 11). Муравьев, очевидно, преуменьшал уровень своих познаний, так как среди писем В.В. Ханькова к нему находим одно на итальянском языке (от 23.1.1780 — ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед.хр. 232. Л. 17—18об.). Тем не менее данный отрывок по причине своей краткости не позволяет сделать однозначного вывода о степени его оригинальности.

Амфион. Драмма
 Действующие лица:
 Амфион,
 Антиопа,
 Вождь диких,
 Вождь пленников,
 Хоры Диких
 Пленников
 Провожающих Амфиона
 Пляшущие лица
 Дикие с их женами
 Народы Греческия
 Пастухи и пастушки

Театр спереди по обеим сторонам представляет рошу; в дали, камни, ключи, песчаные горы; в середине ж жертвенник из дикаго камня, в половину обросший мхом.

⁹Дата, возможно, ошибочная, так как данный текст находим среди писем 1776 г.

Явление первое

Антиопа одна

Ужасна степь, дремучий лес,
 Где странников толпа, дни мрачны препроводит
 Мне ваш прискорбный вид и етих мрак древес,
 Один лишь страх наводит.
 Привыкнувши к пустой обители моей,
 Охотней было мне зреть камней сих громады;
 И слух мой находил и чувствовал отрады,
 Внимая шум глухой сих бьющихся ключей.

С тех пор, как Амфион согласьем превращает
 Угрюмость сей страны,
 Душа моя в себе не то уж ощущает,
 И мнит что новья ей чувства даны.
 Ужасна, и по!¹⁰

Явление второе

Антиопа, вождь диких.

Вождь

О! дева сих лесов! гор наших украшенье!
 Здесь наших полк мужей, великой чтя сей день,
 И прежде, чем еще покроет небо тень,
 Вонзит кинжалы в грудь плененным на сраженье.
 При жертвеннике сем пребуди ты со мной
 И стань моей женой
 Белизна твоя блистает,
 Паче снега самого,
 Взор твой притче проникает,
 Стрел колчана моего. (Л. 89)

По-видимому, в это же время Муравьев работал над драмой “Ерисия, или Вестфальская дева”. Вероятно, это перевод пьесы Ж.Г. Дюбуа-Фонтанеля (“Éricie, ou la Vestale”, 1768). В 1783 г. ее перевела М.В. Сушкова. Возможно, поэтому Муравьев ограничился первым явлением.

Первое явление

Из драммы Ерисия или Вестальская дева

Театр представляет храм Весты; священный огонь возжен на жертвеннике; уже ночь и сей единый огонь освещает храм. Вестали лежат простершись на земли.

Первосвященница Арелия держась единою рукою за жертвенник.

Защитница Римлян, священна дева, Веста,
 Богиня, на всегда ты нам споспешествуй;
 Да огонь сей уст твоих дыханьем воспаленный,
 Не гаснет век, горя на олтаре твоём.
 Да Ивера меж тем и Тага победитель,
 Орлов перенесет, в раскаты Карфагена,
 И Сципион ярем, на Ливию наложит:
 В середине наших стен, ты вольность содержи;
 Возри на нас: тебя твоя в том жрица просит,

¹⁰Здесь в рукописи текст обрывается.

И чтущих тя, тебе моления приносит.
(*обращаясь к встающим весталям*)

О дочери небеси, которых чисты души,
Ко добродетелям и к долгу посвященны,
Для коих боги, в сем убежище безмолвном,
Далече от сует, рок тихий низпослали.
Благодарения вы Весте возсылайте,
И только ей служить, в невинности желайте.

(*Ерисия въздыхает*)

Уж мрачный свой покров, ночь всюда простирает,
И в завтрее заря рассыпав мрак ночной,
Тот день, к нам приведет в которой мудрый Нума,
Богине под покров свой Трон препоручил.
Безсмертная в сей день от дев ей посвященных,
Желает в дар сердец, от скверны упраздненных.

(*Ерисия смущается*)

Готовтися к тому, напомните те клятвы,
От коих ига вас ничто неразрешит.

(*новыя знаки смущения Ерисии*)

Вспомните сей гроб, Вестале той сужденной,
Котора принесет соблазн в сей храм священной;
Вспомните, что нет простительных вам вин,
Что Веста зрит и четет все таинства сердец.

Ея на весь сей мир всегда отверзто око,
Не знает ни времен, ни места, ни пределов.
И равной быстротой взирая проникает
В превыспренни страны и в хлябии подземны.

(*весталы выходят*)

Идите отдыхать. Ерисия пребуди,
Да бдишь ты в ночь сию, так жребий быть судил.

(*она ей показывает священный огонь*)

Храни ты сей залог: вспомни что Богиня,
При жертвеннике сем твои внимала клятвы;
Нескромной ропот здесь безсмертной неугоден,
Покорствуй, трепещи и будь ея достойна. (Л. 41)

МУРАВЬЕВ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДРАМАТУРГИ

Особое место в драматургическом наследии Муравьева занимало творчество Ж. Расина. Еще Л.И. Кулакова отмечала, что писатель начинал «переводы “Федры” Расина» [6, с. 16]. Это тем более интересно, что, как известно, переводы французских классических трагиков в России XVIII в. особенно популярными не были: “Русский театр того времени не проявлял интереса к трагическому репертуару западноевропейского классицизма. Напротив, несомненное внимание привлекала формировавшаяся на Западе так называемая мещанская трагедия, обратившаяся к изображению третьего сословия, буржуазно-мещанских кругов с присущими им драматическими конфликтами морального и социально-бытового характера <...>” [21, с. 50]. Муравьев же, во многом вопреки данной тенденции, на протяжении всей своей жизни работал над созданием “настоящей” трагедии. Таким образом, его переводы и оригинальное творчество (уже упоминавшаяся “Дидона” и осо-

бенно “Болеслав”) должны рассматриваться в едином контексте.

“Записная книга” дает много нового материала. Вот, например, отрывок из “Федры”:

Из Федры Расиновой

Вестник

Едва лишь вышли мы из за Трезенских врат,
Он в колеснице был. Печальны стражи в ряд,
Поставленны, его молчанью подражали,
И в путь задумчивы, Микенский поспешали,
Он вожди по коням, из рук своих пускал,
Те кони, коих огонь, кичливый ободрял,
Нахмурили чело и выи наклонили
И мнилось, с ним свои поступки применили,
Ужасный вопль изшед из водной глубины,
Смутил тогда покой, воздушной тишины,
И глас из земныя утробы проникая
Ответствовал на вопль, стенанья испуская.
Сердец до глубины замерзла кровь у нас,
Внимающих коней, поднялся гривный влас.
Меж тем на раменах, струящейся долины,
Вздымаяся гора кипит среди пучины,
Вал на берег спешит, разится и в тот час,
Меж пены вержет вдруг чудовище пред нас.
Чело его рога, прегрозныя имело,
Блестящей чешуей, его покрыто тело,
Неукротимой вол, неистовейший змей,
Извился в сгибы хвост, согбен влачась землей.
Его предлинной рева, во трепет брег приводит,
Гнушаясь небо им, взор на него низводит,
Им движется земля; им воздух заражен,
Его принесший вал, вспять льется, ужасен.
Все врозь бегу: уж их не держит бегства срам,
Всяк скрыться предпринял в стоящий близко храм.
Един лишь Ипполит, достойной сын Герою,
Становит конской бег, берет копьё рукою.
Метнул в чудовище, не дрогнула рука,
И рана зверю в бок, далася глубока.
Он мечется боля, неистовством алкая,
И падает сражен к ногам коней рыкая.
Катается и пасть вспаленну кажет им,
Из пасти в них летят и кровь и огонь и дым.
Их ужас вдруг помчал, ударились с размаху,
Ни гласа, ни узды, не ведают со страху.
Безплодно мышцы Князь, к усилию подвиг,
Багровят уделы, кровавы рылы их.
И зрится некий бог меж нас сраженных страхом,
Что конски уязвлял покрыты ребры прахом.
По каменным буграм боязнь их спешно мчит,
Ось рушится, падет, безстрашной Ипполит,
Летящу зрит в куски разбиту колесницу,
И сам падет, вождьми запутавши десницу.
Оставь моя болезнь. Увы мечта сия
Слез вечный, Государь, источник для меня.

(Л. 32 об.)

Кроме того, Муравьев переводил пьесу Расина «Фиваида, или Братья-враги» (1664). В «Записной книге» сохранилось несколько строк:

Явление I Расиновой Фивайды.

Пошли они? я рвусь Олимпа, злой тоскою,
Сколь много будет слез мне стоить час покою?
Шесть месяцев томлюсь, пускаю горький стон,
И слезныя глаза еще смыкает сон?
Ах! еслиб смерть скорой сомкнуть их упредила,
И видеть страшное злодейство пощадила,
Но бьются уж они?

Олимпа.

Я зрела с веру стен
Их строй, с обеих стран к битве разположен
Я видела мечи из ножен их изъяты,
И чтоб тебе сказать оставила раскаты. (Л. 31 об.)

Помимо этого, сохранился заголовок, свидетельствующий о том, что Муравьев планировал переводить «Ифигению» Расина: «Из перваго явления Ифигении г. Расина» (Л. 59).

Обращался Муравьев и к наследию П. Корнеля. Правда, без особого успеха. От перевода «Родогуны» (1644) осталось всего две строки:

Из Родогуны, действие V. Явл.<ение> IV
Венчайся, будь Тиран: се зришь царем себя,
Повергла я отца и брата и себя. (Л. 66).

Возможно, Муравьев прервал работу над своим переводом потому, что в первой половине 1770-х гг. академическая комиссия приняла решение издать в переводах на русский язык трагедии Корнеля. Их отбором и переводом занялся Княжнин, который перевел шесть пьес, среди которых была и «Родогуна», изданная, правда, только в 1788 г. Однако можно высказать осторожное предположение, что она была известна в списках. На протяжении 1770-х гг. Муравьев сознает себя остающимся «в тени» Княжнина, обращаясь к тем же текстам и сюжетам, что и он, и всегда бросая начатое.

«БОЛЕСЛАВ» И «СУМБЕК»

Ключевой драматургический текст Муравьева — «Болеслав». Трагедия писалась долгие годы, к ней поэт возвращался неоднократно (см.: [22, с. 31–303]). Сюжет для нее он нашел в ходе изучения истории: «Первое действие «Болеслава» записано на листке, сложенном вчетверо, с указанием: «... приключение почерпнуто в Солиньяке в Мине т. II, стр 277» (имеется в виду «История польская» Солиньяка, переведенная Ф.А. Эминым и изданная в 1766 г.). На свободной части листа в 1779 г. Муравьев сделал запись, рассказывающую о работе над этим произведением,

начало которой относится к 1775 г. и связано с чтением трагедии Вольтера: «В январе, я думаю, 1775 года, ежели не в 74, попалась мне в руки «Аделаида» Вольтерова. Ея чтение внушило мне сильное желание подражать. Тогда же в Емине, ища содержание трагедий, нашел я сие...» [13, с. 32].

В «Записной книге» находим несколько материалов, с ней связанных. Первый — краткий план пьесы:

План Болеслава начатой 1775 года, разположенной 1776. Авг.¹¹

Действие I. Явл.<ение> 1. *Болеслав и Мечест*. По двумесечном отсутствии от Государя своего, Мечест находит его изменившегося печалию. Болеслав открывает любовь свою к волынской княжне Сияне, обрученной невесте Сбигнеевой. Мечест представляет ему следствия сей нещастной слабости, столь невестной с междусобною войною, разоряющею Польшу. Болеслав <нрзб> тронутый открывает ему к большему смущению, что Сияна им прежде отосланная, по приказанию его возвращается сей самой день в Воллин. Мечест пользуется правом дружбы, настоя у него на отмене сего повеления. В самое то время... Явл.<ение> 2. *Теже и военачальник*: возвещает прибытие Саяны, Болеслав увлеченной чувствованием велит представить Сияну. Явл.<ение> 3. *Бол.<еслав>Сияна. Меч*. Сияна является во всем выражении нещастной Княжны и любовницы, ожидающей смерти от мучителя, которой в одном сердце соединяет любовь, <нрзб> своего состояния. Признание любви едва не улетело из уст его. Явл.<ение> 4. *Сияна и...* Исчисление нещастии, жалобы. Явл.<ение> 5. *Теже и Мечест*, которой приносит повеление Болеславово препроводить Сияну к Сбигневу. Действие II. Явл.<ение> 1. (Л. 100об.).

В целом ряде деталей этот текст перекликается с «Отрывком с замечаниями автора о работе над этим произведением», который опубликовал В.Н. Топоров по рукописи из собрания Н.С. Тихонравова [22, с. 63–66]. Однако есть и важные отличия: во-первых, вариант «Записной книги» короче, а во-вторых, здесь несколько иной набор персонажей.

В этой же рукописи должно было быть продолжение данного плана: «Подробное разположение втораго действия Болеслава» (Л. 94об.). Однако дальше заголовка дело не пошло.

Второй материал — «Монолог Болеслава зачинающий второе действие. Писан 1777. Декаб.<ря> 31» (Л. 109–113). Это указание существенно: у В.Н. Топорова данный текст составляет часть Рукописи А [22, с. 40–55], точно им не датированной.

¹¹ Далее другими чернилами, явно позднее.

Третий – отрывок перевода трагедии Шлегеля “Германн”, тесно связанный, как показал В.Н. Топоров, с замыслом “Болеслава”: «...она <трагедия “Германн”. – А.И.> сложнее “Болеслава”, более многопланова и заметно отклоняется от классицистического канона в сторону новых веяний. Тем не менее некая общность обеих трагедий, разделенных тремя десятилетиями, определенно ощутима. Конечно, обе они разрабатывают национально-историческую тему, хотя и “национальное” (впрочем, у Муравьева оно инациональное, польское), и “историческое” у Шлегеля более органично и тоньше разработано в деталях» [22, с. 145]. В.Н. Топоров знал о муравьевском переводе по описанию Л.И. Алехиной [22, с. 290], но рукопись он не видел. Вот этот фрагмент из “Записной книги”:

Из Германа. Трагедии Госп.<одина> Шлегеля.
Действие II. Явление первое.

Туснельда. Сигмунд.

Сигм.<унд>: Туснельда, поклонись отеческому богу,
Хвала его, хулой в устах моих явится,
Дерзну ли я, сестра, пред взор его ступить
В сем жреческом свитке, которой чужд ему?

Туснел.<ьда>: Чрез нас отечество, о боги! нерадиво,
Чрез нас единожды пред Римом уклонилося,
Ах! в рабство вечно вы ему не дайте впасть,
Отдайте с нами вы назад его свободу.

Сигм.<унд>: Так Август ныне бог и я его
священник?

Кто дышит так как я, тому жгу фимиам?
И хитростью и лжей, граждан своих убийством,
Богов, которых чтет, достойной общник стал!

Услышите боги! мя и дайте мне решение:

Молю: вешайте мне и рцыте: что есте?

Скажите: от Германа или вы утаились?

Скажите: иль досель вы нам одним открылись?

Иль древне отчества ученье справедливо,

Что бога нам нельзя ни зреть, ни вобразить?

Иль может во плоти безсмертной быть одеян,

И властью лишь своей различен от людей? (Л. 61).

На том же листе рукописи находим стихотворение, посвященное Шлегелю. Муравьев сравнил немецкого драматурга с Корнелем:

Надпись под изображение Иог:<анна> Или
Шлегеля.

По скорби смешанной с величеством лица,
Познайте Шлегеля, Трагедии творца
Сей в младости душой Софокла наполнялся
Германских Мус, стена в Кануте прослезил;
Но рок лишь показал и в цвете поразил
Того, которой бы с Корнелием сравнялся. (Л. 61).

Наконец, в “Записной книге” обнаруживается фрагмент из трагедии “Сумбек”, точно датированный. Текст этот показателен в нескольких отношениях. Во-первых, это ранний опыт Муравьева (отрывок

писался через год после “Дидоны”). Во-вторых, очевидно, что Муравьев еще в 1772 г. мыслил трагедию как жанр, неразрывно связанный с национальной историей, искал в ней сюжеты для своих произведений. В-третьих, писатель обратился к истории покорения Иваном IV Казани задолго до М.М. Хераскова и, по-видимому, независимо от него.

Отрывок из первого явления Трагедии Сумбек предприниманной в Вологде 1772 года в Июне

Сумбек. Затима

Сей час, сомненный час решит Затима, бранью
Алею ли иль мне державствовать Казанью.
Скончалась наконец опасна тишина
Под коею Казань была удручена.
На Арском поле Росс. Что нужды? сим походом
Спрягает он меня опять с моим народом.
Вельможей ропот слаб; молчит большая часть,
С упадком общества растет Сумбека власть.
Какая сладость быть Царицей отомщенной,
Из уст любовника народу возвешенной!
Ты знаешь мил ли мне сей Князь, сей юной Князь,
Которой мщением со мной соединясь
Иль сладостней познав другое ощущение
Щастливой предприял Сумбек и защищенье.
Каштак! И кто другой мне может жизнь отдать?..
Но ежели судьба захочет нас предать;
Драгой! на Троне сем умрем непостоянным.
Сафакирей по гроб низринут Иоанном. (Л. 84).

“ВЫИГРАННАЯ ТЯЖБА”

В ОПИ ГИМ находим законченную комедию “Выигранная тяжба” (Ф. 445. Ед.хр. 232. Ч. 4836. Л. 105–120об.)¹². К папке, в которой она хранится, неоднократно обращались специалисты: согласно листу пользования документами, их держали в руках такие исследователи, как Л.И. Кулакова, Р.М. Лазарчук, И.Ю. Фоменко, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.И. Серков, Л. Росси и др., однако, насколько нам известно, о “Выигранной тяжбе” не писали, и текст произведения остается неопубликованным¹³. Ссылки же на бумаги из этой папки в трудах, посвященных Муравьеву, имеются. Так, В.А. Западов отметил: «...переводил он <Муравьев. – А.И.> и комедию “Формион” Публия Теренция Акра (пометка на рукописи: “Начата мной переводить в Вологде 1772 года 25 апреля”)» [10]. Это указание имеет существенное значение: “Выигранная тяжба” написана теми же чернилами и на такой же бумаге, что и “Формион”. Более того, как кажет-

¹² Комедии Муравьева практически не привлекали внимания исследователей и изучены крайне слабо; важнейшее исключение – статья Л. Росси [9].

¹³ В настоящее время мы готовим его к печати.

ся, можно высказать предположение, что эти листы когда-то были частью единого целого, одного и того же авторского рукописного сборника, а следовательно, могли быть созданы в одно и то же время.

Более важный источник датировки — сам текст Муравьева:

Кривод.<елов:>

Вот сударь, вашему высокородию, и вексель готов.

Новос.<ветов:>

Читай-ка.

Кривод.<елов:>

“1771 года, 16 марта, на 10000 рублѣв. В год от сего 16 марта 1771 году по сему одинакому векселю, повинен я заплатить Г.<осподину> Новосветову десять тысяч рублев ходячею серебряною монетою”. (Л. 115об.)

Естественно предположить, что текст комедии создавался на протяжении 1771 г. и был закончен не позднее 1772 г. Сложно придумать дату более неслучайную в истории русской драматургии XVIII в., ведь именно тогда вышли комедии Екатерины II и А.П. Сумарокова (об этом см.: [23, с. 134–135]; [24, с. 299–312]; [25]). Вполне вероятно, что появление этих пьес вдохновило Муравьева на сочинение или, по крайней мере, завершение своей. При этом, как увидим далее, в муравьевском тексте использованы многие мотивы произведений его старших современников.

Несколько слов о содержании произведения. “Выигранная тяжба” — одноактная комедия; очень небольшая по объему, “камерная” — 15 рукописных листов. В ней всего пять персонажей: судья Обиралов, его сын Новосветов, Ябедников, его дочь Нравовида и секретарь Обиралова Криводелов. Новосветов влюблен в Нравовиду, однако на пути влюбленных встал ее отец. Ябедников держит дочь взаперти, и, как говорит Новосветов, она “не видит более никого, как подьячих, секретарей, канцелярских сторожей” (Л. 106). Ябедников — человек тяжелый, жадный, хитрый, крючкотвор; вот что о нем говорит Криводелов: “Не тот ли в.в.¹⁴ которой бил челом на своего повара, якобы оной, его милости повар, не наварны щи сделал, и дабы соблаговолено было исследовать по какой точно причине он выше помянутой то учинил. <...> Он же подавал челобитну на башмашника, что он башмашник сделал ему один башмак узко что и засвидетельствовано, тогда прилучившимися у него свидетелями, и утверждено, им истцом присягою, чего ради приказано бы было заплатить ему башмашнику иск простирающийся, по верной выкладки, на 11 копеек 3/4 денги и 18/29 доль полушки. Суд говорен по

¹⁴ Обращение “в.в.” неоднократно встречается в рукописи; видимо, это “ваше высокородие”.

форме, и продолжался два года не вступно. Четырѣх стряпчих переменяв, он, что всему рублев в двести стало дватцать с лишком челобитен подавано было с его стороны, не упоминая других расходов все дело стало ему в пятсот, доехало бы и до тысячи если бы мы хотели прижилить его” (Л. 105–106). Новосветов понимал, что только хитростью можно “выманить” Нравовиду. И вот что он придумал. Его отец, судья Обиралов, решил заняться винокурением, Ябедников же ему был нужен для организации доставки напитков в город и их продажи. Чтобы избежать “неустроек” с обеих сторон, они решили подписать контракт. Это ключевой момент всего сюжета: Новосветов с помощью секретаря Криводелова придумал контракт подменить и дать на подпись Ябедникову другой документ — вексель на 10 тыс. руб., которые он якобы занял у Новосветова. Этот-то вексель Новосветов ко всеобщему удовольствию и “обменял” на Нравовиду.

Основные образы и мотивы комедии Муравьева — проворовавшийся судья, ханжа, изобретательный слуга, жадность, невежество, глупость — были хорошо знакомы читателям 1760–1770-х гг. и восходят к французской драматургии XVII–XVIII вв. В России они были реактуализированы в 1760-е гг. Новое царствование предложило новую идеологию: Екатерина II решала задачу создания нового образа русского аристократа — воспитанного, образованного, подлинного *honnête homme*, верного “сына отечества”. Для реализации данного проекта использовались разные инструменты, в т.ч. литература. Ключевой в этом отношении эпизод — журнал “Всякая всячина”, который мыслился как учебник “науки жить”, *savoir vivre*. Как хорошо известно, екатерининская журналистика напрямую связана с ее драматургией, и комедии императрицы 1772 г. развивали те же идеи, но решали их по-своему: здесь важно было высмеять ложные принципы и идеалы, показать их ущербность и неприемлемость в новой реальности; здесь на первый план выходили “антигерои”, которые демонстрировали, как не нужно вести себя в обществе (об этом подробнее см.: [26]; [27]; [28]). По-видимому, в рамках этого проекта должна рассматриваться и комедия Муравьева (об этом подробнее см.: [29]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Жинкин Н.П.* М.Н. Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1913. Т. XVIII. Кн. 1. [Zhinkin, N.P. [M.N. Muravyov (On the 100th Death Anniversary)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti akademii nauk* [Bulletin of the Russian Language and Literature Department of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1913. Vol. XVIII. Book 1.]

2. *Гуковский Г.А.* Очерки русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938. С. 252–298. [Gukovskij, G.A. Ocherki russkoj literatury i obschestvennoj mysli XVIII v. [Essays on Russian Literature and Social Thought in the 18th Century]. Leningrad, 1938. P. 252–298.]
3. *Кулакова Л.И.* М.Н. Муравьев // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1939. Вып. 4. [Kulakova, L.I. [M.N. Muravyov]. *Uch. zap. LGU. ser. filol. nauk. L., 1939. vup. 4* [Bulletin of the Leningrad State University. Studies in Philology, 1939. Iss. 4].]
4. *Бруханский А.Н.* М.Н. Муравьев и “легкое стихотворство” // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. [Brukhsanskij, A.N. [M.N. Muravyov and “Light Poem”]. *XVIII vek* [The 18th century]. Moscow, Leningrad, 1959. Iss. 4.]
5. *Западов В.А.* Державин и Муравьев // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. [Zapadov, V.A. [Derzhavin and Muravyov]. *XVIII vek* [The 18th century]. Moscow, Leningrad, 1966. Iss. 7.]
6. *Кулакова Л.И.* Поэзия М.Н. Муравьева // М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л., 1967. С. 5–52. [Kulakova, L.I. [Poetry of M.N. Muravyov]. *M.N. Muravev. Stikhotvoreniya* [M.N. Muravyov. Poems]. Leningrad, 1967. P. 5–52.]
7. *Кулакова Л.И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л., 1968. [Kulakova, L.I. *Ocherki istorii russkoj esteticheskoy mysli XVIII v.* [Essays on the History of Russian Aesthetic Thought in the 18th Century]. Leningrad, 1968.]
8. *Фоменко И.Ю.* Из прозаического наследия М.Н. Муравьева // Рус. лит. 1980. № 3. [Fomenko, I. Yu. [From the Prosaic Heritage of M.N. Muravyov]. *Rus. lit.* [The Russian Literature]. 1980. № 3.]
9. *Росси Л.* Неизвестная комедия Михаила Муравьева (к проблематике жанровой системы русского Сентиментализма) // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Roma, 1996. P. 257–266. [Rossi, L. [Unknown Comedy of Mikhail Muravyov (to the Problems of the Genre System of Russian Sentimentalism)]. *A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia.* Roma, 1996. p. 257–266.]
10. *Западов В.А.* Муравьев М.Н. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. [Zapadov, V.A. [Muravyov M.N.]. *Slovar russkikh pisatelej XVIII v.* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]. St. Petersburg, 1999. № 2.]
11. *Пашкуров А.Н., Мясников О.В.* М.Н. Муравьев: Вопросы поэтики, мировоззрения и творчества. Казань, 2003. [Pashkurov, A.N., Myasnikov, O.V. *M.N. Muravev: voprosy poetiki, mirovozzreniya i tvorchestva* [M.N. Muravyov: Problems of Poetics, Worldview and Literary Works]. Kazan, 2003.]
12. *Зорин А.Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016. [Zorin, A.L. *Poyavlenie geroya: iz istorii russkoj emotsionalnoj kultury kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The Appearance of the Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the late 18th – early 19th Century]. Moscow, 2016.]
13. *Алехина Л.И.* Архивные материалы М.Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 49. М., 1990. С. 1–87. [Alekhina, L.I. [Archival Materials of M.N. Muravyov in the Funds of the Department of Manuscripts]. *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR im. V.I. Lenina. Vup. 49* [Notes of the Department of Manuscripts of the USSR State Library of the USSR]. Moscow, 1990. № 49. P. 1–87.]
14. *Лазарчук Р.М.* Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда, 1999. [Lazarchuk, R.M. *Literaturnaya i teatralnaya Vologda 1770–1800-kh godov: iz arkhivnykh razyskaniy* [Literary and Theatrical Vologda in 1770–1800-s: Archive Researches]. Vologda, 1999.]
15. *Лазарчук Р.М., Левин Ю.Д.* “Гамлетов монолог” в переводе М.Н. Муравьева // XVIII век. Сборник 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). СПб., 1999. С. 303–317. [Lazarchuk, R.M., Levin, Yu.D. [“Hamlet Monologue” in the Translation of M.N. Muravyov]. *XVIII vek. Sbornik 21. Pamyati Pavla Naumovicha Berkova (1896–1969)* [The 18th Century. Issue № 21. In memory of Pavel Naumovich Berkov (1896–1969)]. St. Petersburg, 1999. P. 303–317.]
16. *Росси Л.* Утаенная любовь М.Н. Муравьева // *Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Кухаркину ко дню шестидесятилетия (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6).* СПб., 2015. С. 100–106. [Rossi, L. [Muravyov’s Secret love]. *Petra Philologica: professoru Petru Evgenievichu Kukharkinu ko dnyu shestidesyatiletija (literaturnaya kultura Rossii XVIII veka. Vup. 6)* [Petra Philologica: to Professor Petr Evgenievich Kukharkin on the Day of the 60th Birthday (Literary Culture of Russia of the 18th Century. Iss. 6)]. St. Petersburg, 2015. P. 100–106.]
17. *Фоменко И.Ю.* Проза М.Н. Муравьева. Из истории русской прозы последней трети XVIII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1983. [Fomenko, I. Yu. *Proza M.N. Muraveva. Iz istorii russkoj prozy poslednej treti XVIII veka* [Prose of M.N. Muravyov. From the History of Russian Prose of the Last Third of the 18th Century]. The Thesis for the Degree of Candidate of Philology. Leningrad, 1983.]
18. *Прокорева Л.Б.* М.Н. Муравьев и Античность (Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2010. [Prokoreva, L.B. *M.N. Muravev i antichnost (Goratsij i Vergilij v perevodakh i tvorchestve pisatelya)* [M.N. Muravyov and Antiquity (Horace and Virgil in the Translations

- and Works of the Writer)]. Thesis for the Degree of Candidate of Philology. Tomsk, 2010.]
19. *Молок Н.* Летающий архитектор. Дедал и Амфион в XVIII веке // Искусствознание. М., 2017. № 2. С. 42–83. [Molok, N. [The Flying Architect. Daedalus and Amphion in the 18th Century]. *Iskusstvoznanie* [Art Criticism]. Moscow, 2017. № 2. P. 42–83.]
 20. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2. Русская литература второй половины XVIII в.: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М., 2007. Кн. 3. [Todorov, V.N. *Iz istorii russkoj literatury. T. 2. Russkaya literatura vtoroj poloviny XVIII v.: issledovaniya, materialy, publikatsii. M.N. Muravev: vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [From the History of Russian Literature. Vol. 2. Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Studies, Materials, Publications. M.N. Muravyov: Introduction to the Heritage]. Moscow, 2007. Book 3.]
 21. История русской переводной художественной литературы. СПб., 1995. Т. 2. Драматургия. Поэзия. [Istoriya russkoj perevodnoj khudozhestvennoj literatury [The History of Russian Translated Literature]. St. Petersburg, 1995. Vol. 2. *Dramaturgiya. Poeziya* [Dramaturgy. Poetry].]
 22. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2. Русская литература второй половины XVIII в.: Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М., 2001. Кн. 1. [Todorov, V.N. *Iz istorii russkoj literatury. T. 2. Russkaya literatura vtoroj poloviny XVIII v.: issledovaniya, materialy, publikatsii. M.N. Muravev: vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [From the History of Russian Literature. Vol. 2. Russian Literature of the Second Half of the 18th Century: Studies, Materials, Publications. M.N. Muravyov: Introduction to the Heritage]. Moscow, 2001. Book 1.]
 23. *Берков П.Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977. [Berkov, P.N. *Istoriya russkoj komedii XVIII v.* [The History of the Russian Comedy of the 18th Century]. Leningrad, 1977.]
 24. *Костина Е.Л.* К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век. Вып. 18. СПб., 1993. С. 299–312. [Kostina, E.L. [To the History of the Early Comedies of Catherine II]. *XVIII vek. Вып. 18* [The 18th Century. Iss. 18]. St. Petersburg, 1993. P. 299–312.]
 25. *O'Malley L.D.* The Dramatic Works of Catherine the Great: Theatre and Politics in the Eighteenth-century Russia. Ashgate, 2006.
 26. *Ивинский А.Д.* Люди, животные и проблема воспитания в русской журналистике 1760-х гг. // Бестиарный код культуры. М., 2015. С. 131–137. [Ivinskij, A.D. [People, Animals and the Problem of Education in Russian Journalism in the 1760s]. *Bestiarny kod kultury* [Bestiary Code of Culture]. Moscow, 2015. P. 131–137.]
 27. *Ивинский А.Д.* Культурная политика Екатерины II: к вопросу о литературной позиции журнала “Всякая всячина” // Slavia Orientalis. Warszawa, 2015. Т. 64. No 2. С. 229–243. [Ivinskij, A.D. [The Cultural Policy of Catherine II: to the Question of the Literary Position of the Magazine “All Sorts of Things”]. *Slavia Orientalis*. Warszawa, 2015. Vol. 64. N2. P. 229–243.]
 28. *Ивинский А.Д.* К вопросу о литературной позиции журнала “Трутен” Н.И. Новикова // Е.Р. Дашкова и ее время в культурном пространстве России и Европы: сборник научных статей. М., 2016. С. 148–158. [Ivinskij, A.D. [To the Question of the Literary Position of the N.I. Novikov’s Magazine “Truten”]. *E.R. Dashkova i ee vremya v kulturnom prostranstve Rossii i Evropy: sbornik nauchnykh statej* [E.R. Dashkova and Her Time in the Cultural Space of Russia and Europe: a Collection of Scientific Articles]. Moscow, 2016. P. 148–158.]
 29. *Ивинский А.Д.* О комедии М.Н. Муравьева “Выигранная тяжба” (по материалам ОПИ ГИМ) // Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. 2017. № 1. С. 163–169. [Ivinskij, A.D. [On the Comedy of M.N. Muravyov “Won Lawsuit” (Based on the Materials of the OPI GIM)]. *Stephanos. Retsenziruemyj multiyazychnyj nauchnyj zhurnal* [Stephanos. A Peer-Reviewed Multilingual Scientific Journal]. 2017. № 1. P. 163–169.]
 30. *Княжнин Я.Б.* Избранные произведения. Л., 1961. [Knyazhnin, Ya.B. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, 1961.]